

Вторник, 9 мая

I

**ЯДОНОСНОЕ
ДЕРЕВО**

ГЛАВА 1

Его встревожила вспышка света.

Что-то блеснуло вдали — не то белое, не то желтоватое.

С воды? С полоски суши вдоль мирного лазурного залива?

Но здесь ничто не могло ему угрожать. Прекрасный уединенный курорт — ни назойливой прессы, ни рыскающих врагов.

Прищурившись, Роберто Морено уставился в окно люкса. Видел он, увы, плоховато, хотя ему было около сорока. Пришлось подтолкнуть очки выше к переносице, чтобы всмотреться в сад, узкий белый пляж, пульсирующее сине-зеленое море. Прекрасное, уединенное... и хорошо защищенное место. В поле зрения не покачивалось на волнах ни одно судно. И даже если бы кто-то из недругов каким-то образом узнал, что Морено здесь, и, вооружившись, сумел незаметно пробраться через промзону на мысу, отделенном отсюда водным пространством шириной в милю, — все равно невозможно прицельно выстрелить с такого расстояния сквозь мутную мглу.

Никаких вспышек больше не было. Ничего не блестело.

«Ты в безопасности. Иначе и быть не может».

Однако Морено оставался начеку. Подобно Мартину Лютеру Кингу или Ганди, он постоянно рисковал. Таков был образ его жизни. Смерти он не боялся — боялся умереть прежде, чем закончит работу. В столь молодом возрасте ему предстояло сделать многое. Мероприятие,

подготовку которого он завершил всего час назад, — довольно значимое, чтобы привлечь всеобщее внимание, — было лишь одним из десятка запланированных на ближайший год.

А впереди вырисовывалось еще более многообещающее будущее.

Коренастый мужчина в скромном бежевом костюме, белой рубашке и ярко-синем галстуке — чисто карибский стиль — наполнил две чашки из только что принесенного официантом в номер кофейника и, вернувшись на кушетку, протянул одну репортеру, настраивавшему диктофон.

— Молока, сеньор де ла Руа? Сахара?

— Нет, спасибо.

Общение шло на испанском, Морено свободно владел им. Он терпеть не мог английский, на котором разговаривал лишь при необходимости, но так и не сумел избавиться от акцента Нью-Джерси, отчетливо слышного в его родной речи. Звук собственного голоса вызвал воспоминания о детстве в Штатах. Об отце, который постоянно задерживался на работе и, в отличие от матери, не пил. Об унылых пейзажах и хулиганах из соседней школы. Но пришло спасение — семья переехала в более приятное, чем Саут-Хиллз, место, где даже язык звучал мягче и изящнее.

— Зовите меня, пожалуйста, Эдуардо, — сказал репортер.

Был он худощав, с залысинами, одет в голубую рубашку без галстука и потрепанный черный костюм.

— А я — Роберто.

На самом деле его звали Роберт, но от этого имени веяло духом адвокатов с Уолл-стрит, политиков из Вашингтона и еще генералов, которые на чужих землях усеивали поля сражений трупами местных, будто дешевыми семенами.

Так что — Роберто.

— Вы ведь живете в Аргентине? — спросил Морено журналиста. — В Буэнос-Айресе?

— Верно.

— Знаете, почему этот город так называется?

Де ла Руа покачал головой: он был не из коренных.

— Разумеется, это значит «чистый воздух», — сказал Морено, прочитывавший несколько книг в неделю, в основном по латиноамериканской культуре и истории. — Но имеется в виду воздух не Аргентины, а Италии, точнее, Сардинии. Так называлось поселение на вершине холма в Кальяри, которое находилось, скажем так, над вонью старого города, и его, соответственно, нарекли Буэн-Айре. Испанский путешественник, достигший берега там, где расположен нынешний Буэнос-Айрес, решил окрестить его так же. Естественно, речь идет о первом поселении на месте города. Оно было стерто с лица земли туземцами, недовольными тем, что их эксплотируют европейцы.

— Даже ваши байки имеют основательный антиколониальный привкус, — заметил де ла Руа.

Морено рассмеялся, но хорошее настроение вдруг рассеялось, и он снова быстро взглянул в окно.

Что там такое блеснуло? Вряд ли он мог видеть что-либо, кроме деревьев и растений в саду и смутной полоски суши в миле отсюда. Отель находился на почти безлюдном юго-западном побережье острова Нью-Провиденс, где была столица Багам Нассау. Огороженная территория отеля надежно охранялась, а сад, предназначенный только для постояльцев апартаментов, был защищен с севера и юга высоким забором, а с запада — пляжем.

Здесь никого не было. Просто не могло быть.

Возможно, птица. Или листва на ветру.

Территорию недавно проверял Симон. Морено взглянул на рослого смуглого бразильца в дорогом костюме (телохранитель одевался лучше, чем босс, хотя и неброско). Молчаливый Симон, лет тридцати с небольшим, имел грозный вид, как и следовало ожидать от представителя его профессии, но был вовсе не головорезом, а армейским офицером, перешедшим на граж-

данскую службу. С обязанностями охранника он справлялся прекрасно.

Посмотрев на босса, Симон подскочил к окну и выглянул наружу.

— Вроде что-то блеснуло, — объяснил Морено.

Телохранитель предложил задернуть шторы, но услышал:

— Думаю, не стоит.

Морено решил, что Эдуардо де ла Руа, прилетевший сюда экономклассом за свой счет из города с хорошим воздухом, заслуживает того, чтобы полюбоваться живописным видом. Вряд ли трудолюбивому журналисту, предпочитавшему писать правду, а не славословия в адрес бизнесменов и политиков, часто доводилось жить в роскоши. Морено также решил, что пригласит гостя на обед в превосходный ресторан отеля «Саут-Коув инн».

Еще раз выглянув наружу, Симон вернулся в кресло и взял журнал.

Де ла Руа щелкнул кнопкой диктофона:

— Можно?

— Да, пожалуйста, — ответил Морено и полностью переключил внимание на журналиста.

— Мистер Морено, ваша организация «Движение за полномочия местных» только что открыла представительство в Аргентине, первое в этой стране. Не могли бы вы рассказать, как вам пришла эта идея? И чем занимается ваша группа?

Эту лекцию Морено читал уже десятки раз, слегка изменяя ее в зависимости от конкретного журналиста или аудитории, но суть оставалась проста: помочь местному населению отвергнуть влияние корпораций и правительства США, стать самодостаточным, особенно благодаря микрозаймам, микроземледелию и микробизнесу.

— Мы противостоям экспансии американских корпораций, — сказал он репортеру, — а также государственной помощи и социальным программам, цель ко-

торых в конечном счете состоит в том, чтобы приучить нас к их ценностям. Нас рассматривают не как людей, а как источник дешевой рабочей силы и рынок для американских товаров. Замечаете порочный круг? Наш народ эксплуатируют на принадлежащих американцам предприятиях, а затем соблазняют покупать продукцию тех же самых компаний.

— Я много писал об инвестициях бизнеса в Аргентину и другие южноамериканские страны, — ответил журналист. — И мне известно о вашем движении, которое тоже занимается подобными инвестициями. Может создаться мнение, что вы выступаете против капитализма и вместе с тем им пользуетесь.

Морено откинул назад длинные, преждевременно тронутые сединой черные волосы.

— Нет, я выступаю против злоупотреблений капитализма — в частности, американского. Я применяю бизнес как оружие. Лишь глупец стал бы полагаться исключительно на идеологию. Идеи — только руль. Деньги — вот движущая сила.

— Использую эти фразы в подводке к статье, — улыбнулся репортер. — Кстати, я читал, что некоторые называют вас революционером.

— Ха, я всего лишь крикун, не более того! — сказал Морено, и его улыбка исчезла. — Но запомните мои слова: пока внимание мира сосредоточено на Ближнем Востоке, никто не замечает рождения намного более могущественной силы — Латинской Америки. Вот что я представляю. Новый порядок. Нас больше невозможно игнорировать.

Роберто Морено встал и шагнул к окну.

Над садом вздымалось ядоносное дерево высотой футов в сорок. Морено часто жил в этих апартаментах, и оно ему очень нравилось. Собственно, вызывало даже нечто вроде дружеских чувств. Ядоносные деревья внушительно выглядят, выживают в любых условиях и несут в себе некую суровую красоту. И еще они, как

намекает название, ядовиты. Пыльца или дым от горящей древесины могут попасть в легкие, причиняя мучительный ожог. И при этом дерево дает пищу красивой багамской бабочке-паруснику, а белошапочные голуби кормятся его плодами.

«Я похож на это дерево, — подумал Морено. — Возможно, неплохой образ для статьи. Надо будет об этом тоже упомянуть...»

Что-то снова блеснуло.

Дальнейшее произошло за долю секунды. Редкая листва дерева дрогнула, и высокое окно перед Морено взорвалось. Стекло превратилось в миллионы кристаллов летящих льдинок, в груди расцвел огонь.

Морено обнаружил, что лежит на кушетке, стоявшей до этого в пяти футах позади него.

«Но... что произошло? Что такое?.. Я теряю сознание... теряю сознание... Не могу дышать...»

Он устался на дерево, которое теперь, когда не мешало оконное стекло, было видно намного отчетливее. Ветви покачивались на душем со стороны воды легком ветру. Листья то увеличивались, то уменьшались. Дерево дышало за него — ибо ему самому не давал дышать огонь в груди. Не давала боль.

Вокруг слышались вопли и крики о помощи.

Кровь, повсюду кровь.

Заходило солнце, небо становилось все темнее и темнее. Но разве сейчас не утро? Перед глазами Морено возникли образы его жены, сына и дочери. Мысли расплывались, пока не осталась только одна — дерево.

«Яд и сила, яд и сила».

Огонь внутри ослабевал и исчезал. От облегчения на глазах выступили слезы.

Темнота сгустилась еще сильнее.

«Ядоносное дерево.

Ядоносное...

Ядо...»

Понедельник, 15 мая

II

ОЧЕРЕДЬ

ГЛАВА 2

— Идет он или нет? — с нескрываемым раздражением спросил Линкольн Райм.

— Что-то случилось в больнице, — послышался голос Тома то ли из коридора, то ли из кухни, то ли откуда-то еще. — Он задержится. Позвонит, когда освободится.

— Что-то! Конкретнее некуда. «Что-то случилось в больнице».

— Так он мне сказал.

— Он доктор. Ему следует быть точнее. И не опаздывать.

— Он доктор, — подтвердил Том, — и это означает, что ему приходится иметь дело с неотложными случаями.

— Но он не сказал «неотложное». Он сказал «что-то». Операция назначена на двадцать шестое мая, и я не хочу снова ждать. И так уже долго тянется. Не понимаю, почему нельзя сделать раньше.

В красной инвалидной коляске «Штормовая стрела» Райм покатил к монитору компьютера и остановился возле ротангового кресла, занятого Амелией Сакс. Она была в черных джинсах и черной блузке без рукавов. С тонкой цепочки на шее свисал золотой кулон с одним бриллиантом и одной жемчужиной. День только начинался. Сквозь выходящие на восток окна падали лучи весеннего солнца, соблазнительно подсвечивая рыжие волосы женщины, собранные в пучок с оловянными заколками.

Райм переключил внимание на экран, просматривая отчет по делу об убийстве, раскрыть которое он помог нью-йоркской полиции.

— Почти готово, — сказала Сакс.

Они сидели в гостиной его дома на улице Сентрал-Парк-Уэст в Манхэттене. Некогда, вероятно, уединенная тихая комната для посетителей и истцов во времена Босса Твида¹ теперь превратилась в полноценную криминалистическую лабораторию, заполненную аппаратурой и приборами для исследования улик, компьютерами и проводами. Провода были повсюду, из-за чего коляска Райма постоянно на что-то натыкалась, но толчки он ощущал лишь от плеч и выше.

— Доктор опаздывает, — буркнул Райм, обращаясь к Сакс.

В этом не было никакой нужды, поскольку при его разговоре с Томом она находилась не далее как в десяти футах. Но Райм еще чувствовал раздражение, и ему хотелось выплеснуть недовольство.

Осторожно переместив правую руку к сенсорной панели, он пролистал последние абзацы отчета и одобрил:

— Хорошо.

— Отправляю?

Райм кивнул, и она нажала клавишу. Зашифрованные шестьдесят пять страниц отправились в эфир. Продолав путь длиной шесть миль, они прибыли в криминальный отдел Управления полиции Нью-Йорка в Куинсе. Там им предстояло стать основой для обвинительного заключения по делу Уильямса.

— Готово.

Готово... если не считать свидетельских показаний на процессе наркодельца, который послал двух подро-

¹ Уильям Мэйджир Твид, или Босс Твид (1823–1878) — один из самых беспринципных за всю историю американских политиков, сенатор от штата Нью-Йорк. Его имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

ков, двенадцати и тринадцати лет, на улицы Восточного Нью-Йорка и Гарлема совершить для него убийство. Райму и Сакс удалось найти и проанализировать мельчайшие следы, которые привели от ботинок одного из мальчишек к магазинной витрине в Манхэттене, затем к коврику в седане «лексус», от него к ресторану в Бруклине и, наконец, к дому Тая Уильямса.

Сам глава банды не присутствовал при убийстве свидетеля, не прикасался к оружию. Не осталось никаких сведений о том, что он заказчик, а юный стрелок был слишком напуган, чтобы давать против него показания. Но все эти преграды уже не имели значения для правосудия. Райм и Сакс раскрутили клубок доказательств, нить которых тянулась с места преступления прямо в логово Уильямса.

Ему предстояло провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь.

Амелия сомкнула пальцы, сжав левую руку Райма, неподвижно пристегнутую к креслу. Он понял это по едва видимым под ее бледной кожей сухожилиям. Женщина встала и потянулась. Оба работали над завершением отчета с раннего утра. Она проснулась в пять. Он чуть позже.

Райм заметил, как она поморщилась, идя к столу за чашкой кофе. В последнее время ей досаждала боль в бедре и колене, вызванная артритом. У Райма приведшее к параличу повреждение спинного мозга было тяжелой степени, но при этом ни на мгновение не причиняло мучений.

«Кем бы мы себя ни мнили, тело так или иначе нас подводит», — подумал он.

Даже у тех, кто в данный момент здоров и более-менее доволен жизнью, не все в перспективе безоблачно. Райм жалел спортсменов, прекрасных молодых людей, которые с ужасом предвидели собственный закат.

Но по иронии судьбы для самого Линкольна Райма было верно обратное. Он уже прошел девять кругов страданий, и состояние его улучшалось. Это стало возможным благодаря новым технологиям проведения операций на позвоночнике и его собственному бескомпромиссному отношению к тренировкам и рискованным экспериментальным процедурам.

Он вновь ощутил раздражение, вспомнив, что доктор опаздывает на назначенный сегодня осмотр перед предстоящей операцией.

Послышался двухтональный звонок в дверь.

— Я открою! — крикнул Том.

Дом был приспособлен к нуждам инвалида, и Райм мог воспользоваться компьютером, чтобы увидеть пришедшего, поговорить с ним и впустить. Или нет. Он не любил незваных гостей и, как правило, отсылал их прочь, порой грубо — если Том не действовал быстрее.

— Кто там? Сначала проверь.

Это не мог быть доктор Баррингтон, обещавший позвонить, после того как освободится от «чего-то», что его задержало. Принимать других посетителей Райм был не в настроении.

Но проверил ли его помощник, кто пришел, или нет, уже не имело значения — в гостиной появился Лон Селитто.

— Линк, ты дома?

«Кто бы сомневался!»

Упитанный детектив тут же направился к подносу с кофе и выпечкой.

— Хотите свежего? — спросил худощавый Том, облаченный в накрахмаленную белую рубашку, синий галстук в цветочек и темные слаксы. Сегодня он еще нацепил запонки — то ли из черного дерева, то ли из оникса.

— Нет, спасибо, Том. Привет, Амелия.

— Привет, Лон. Как Рейчел?

— Все хорошо. Занялась пилатесом. Забавное слово. Какие-то упражнения или вроде того.

На Селитто был типичный помятый коричневый костюм и столь же типичная помятая зеленовато-голубая рубашка. Красный полосатый галстук был нетипично отутюжен: на вид как оструганная доска. Недавний подарок, понял Райм. От Рейчел, его подруги? Был май — месяц без праздников. Возможно, сюрприз на день рождения. Райм не знал, когда Селитто появился на свет. Впрочем, как и даты рождения большинства других людей.

Гость пригубил кофе и дважды откусил от булочки. Он постоянно сидел на диете.

Эти двое много лет были коллегами, и главным образом именно Лон Селитто убедил Райма вернуться к работе после случившегося с ним несчастья. Не нянчась и не уговаривая, просто заставил поднять задницу и снова начать раскрывать преступления. Точнее, в случае Райма, продолжать сидеть на заднице и раскрывать преступления. Но, несмотря на эпопею их партнерских отношений, Селитто никогда не заскакивал в гости просто так. Ему, как первоклассному детективу, давали крупные поручения, исходившие из Большого дома по адресу: Полис-плаза, один. Обычно он оказывался ведущим следователем по делам, для которых Райма нанимали в качестве консультанта. И сейчас появление Селитто предвещало нечто новенькое.

— Ну, выкладывай, Лон, — окинул его взглядом Райм. — Что у тебя хорошего? Есть для меня какое-нибудь занимательное преступление? С интригами и подвохами?

Селитто сделал еще глоток и откусил от булочки.

— Все, что знаю: мне позвонили с самого верха с вопросом, свободен ли ты. Я ответил, что заканчиваешь дело Уильямса. Мне велели как можно скорее отпра-

ляться сюда, чтобы кое с кем встретиться. Они уже едут.

— Кое с кем? Они? — кисло переспросил Райм. — Столь же конкретно, как и «что-то», задержавшее моего доктора. Похоже, это заразно. Как грипп.

— Слушай, Линк, больше я ничего не знаю.

Райм искоса взглянул на Амелию:

— Лично мне никто по этому поводу не звонил. Сакс, а тебе звонили?

— Нет.

— Это по другой причине, — сказал Селитто.

— По какой еще другой причине?

— Что бы ни происходило, это тайна. И должна таковой остаться.

«Ну что ж, — решил Райм, — по крайней мере, и впрямь интригующе».

ГЛАВА 3

Райм поднял взгляд на двух вошедших в гостиную посетителей, совершенно не похожих друг на друга.

У одного из них, мужчины лет пятидесяти, с военной выправкой, в купленном, а не сшитом на заказ костюме — выдавали плечи — темно-синего, почти черного цвета, было чисто выбритое лицо с двойным подбородком, загорелая кожа и короткая, как у морпеха, стрижка.

«Наверное, крупная шишка», — подумал Райм.

Другая, женщина лет тридцати, была приземистой, крепко сбитой, хотя пока не страдала избыточным весом. Ее светлые тусклые волосы, уложенные на манер шестидесятых, были обильно залиты лаком. Райм отметил, что своей бледностью она обязана густо нанесенному макияжу телесных оттенков. Никаких прыщей или иных дефектов кожи не наблюдалось, и он решил,